

К 91(с.10)у
795
А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КОМИССИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ СЕВЕРА
СОВЕТА ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ
ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ АН СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

И. С. ГУРВИЧ, К. Г. КУЗАКОВ

КОРЯКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОКРУГ

*(очерки географии, истории,
этнографии, экономики)*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1960

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обширные пространства тундры и лесотундры Камчатской области занимает Корякский национальный округ. Небольшой по численности населения, но огромный по территории Корякский национальный округ играет значительную роль в экономике Камчатской области.

В округе успешно развиваются рыбная промышленность, оленеводство, охота, а на юге — огородничество и животноводство.

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции хозяйство, культура и быт коренного населения — коряков, ительменов, эвенов, чукчей — характеризовались всесторонней отсталостью; эти народности еще сохраняли наиболее архаические в стране формы материальной и духовной культуры и общественных отношений. Основными источниками существования у них были добывающие промыслы (морская охота, рыболовство) и первобытное скотоводство (олeneводство). Хозяйство местного населения характеризовалось низкой производительностью труда, сильной экстенсивностью и застойностью. Накануне революции эти народности находились в переходном состоянии от первобытной общины к классовому строю. Существовавшие у них формы хозяйства представляли собой различные ступени перехода от патриархально-натурального уклада к мелкотоварному, а социальные отношения — разные стадии становления

классового общества. Такие же черты крайней отсталости были присущи и идеологии этих народностей.

Территория Корякского национального округа полностью относится к тем огромным пространствам царской России, где, по словам В. И. Ленина, царяла патриархальщина и самая настоящая дикость.

Под руководством Коммунистической партии Советского Союза, при братской помощи народов СССР коряки, как и другие народности этого округа, прошли большой путь экономического и культурного развития.

Ныне малые народности Корякского национального округа вместе со всеми народами нашей страны строят коммунистическое общество, успешно развивают культуру. Осваивая крайне суровые тундровые и лесотундровые пространства Камчатки, коряки, эвены, чукчи, ительмены вносят свой посильный вклад в дело освоения природных ресурсов Крайнего Севера. Исторический путь коренного населения Корякского национального округа представляет несомненный интерес не только для понимания истории округа, но и для общей истории малых народов Севера.

Учитывая это, в настоящей работе делается попытка обобщить имеющиеся данные о Корякском национальном округе, познакомить широкие круги специалистов, едущих на работу в этот округ, с его природными условиями, с историей и культурой коренного населения, с особенностями экономики и перспективами развития народного хозяйства и культуры, а практическим работникам округа и области дать справочное пособие.

Следует отметить, что в 1934 г., в период, когда в округе только развертывалось социалистическое строительство, известным исследователем Дальнего Востока М. А. Сергеевым была опубликована весьма ценная работа о Корякском национальном округе. Она принесла большую пользу. Но за двадцать пять лет, прошедших

после выхода в свет этой работы, на рассматриваемой территории, как и во всей нашей стране, произошли величайшие сдвиги. Появилась необходимость вновь подытожить наши знания об этом округе.

Предлагаемая вниманию читателей книга состоит из глав-очерков. Одни разделы этих глав написаны по опубликованным документам и литературным материалам, другие—по наблюдениям, сделанным авторами, и материалам, собранным ими в 1956—1957 гг. в районных, окружных и областных организациях.

При написании этой книги встретились некоторые трудности. Если в XVIII в., после присоединения Камчатки к Русскому государству и обследования этой страны, образовались значительные архивные фонды, богатые сведения о коряках, то о первой половине XIX в. документальных свидетельств сравнительно мало. Историю коряков этого периода восстановить крайне трудно. Если истории коллективизации в округе в 30-х годах XX в. посвящены ценные работы, то история коряков в эпоху Великой Отечественной войны в литературе не освещена. Документы окружного и районного архивов оказались в должной мере не изученными. Это сказалось на содержании книги: не все вопросы удалось осветить с равной полнотой. Так, хозяйство и быт коряков в прошлом удалось описать лишь по материалам XIX в. Более ранние сведения по этим вопросам настолько фрагментарны, что не позволяют восстановить подробную картину хозяйства и быта населения.

Из-за ограниченного объема книги в ряде случаев не дано подробного освещения некоторых, на наш взгляд, существенных вопросов. Так, в книге дано подробное изложение истории лишь корякского народа—основного коренного населения округа. Истории ительменов, эвенов, чукчей, русских-старожилов авторы касались лишь попутно. Чтобы восполнить этот пробел, в соответствующую

щих разделах книги приводятся краткие справки об историческом прошлом и этнографических особенностях этих народностей.

Автором I и III глав, за исключением раздела «Народное образование, здравоохранение и культура», является научный сотрудник сектора природных ресурсов и экономики Севера Совета по изучению производительных сил при Президиуме АН СССР, кандидат экономических наук К. Г. Кузаков, автором II главы, а также раздела «Народное образование, здравоохранение и культура» — научный сотрудник Сектора Севера Института этнографии АН СССР, кандидат исторических наук И. С. Гурвич.

Хозяйство, быт и культурные особенности оленеводов

Корякское оленеводство, основа существования тундровых коряков, имело ярко выраженное мясо-шкурное направление. Несмотря на крупные размеры корякского оленеводства, техника его ведения была весьма примитивна.

Олени выпасались только под присмотром пастуха без применения оленегонной лайки. Для того, чтобы подогнать отошедших от стада оленей, пастух был вынужден сам бежать за ними и возвращать их в стадо. Как отмечалось выше, степень прирученности корякского оленя была очень низка. Хозяйственный цикл коряков-оленеводов строился следующим образом.

Зиму коряки-оленеводы проводили в укрытых от ветра речных долинах или седловинах гор, где снег не препятствовал добыче корма. По мере поедания ягеля стало перекечевывало на новое место. Выпас производился в радиусе 5—20 км от стойбища. За зиму обитатели стойбища перекечевывали несколько раз.

¹³⁴ Н. Н. Билибин. Обмен у коряков. Л., 1934.

Особенно тяжел был труд пастухов при окарауливании стад во время пурги. В такое ненастье на стадо часто нападали волки. Олени разбегались и требовались огромные усилия для того, чтобы разыскать и собрать их вместе¹³⁵.

Наибольший урон корякским стадам в осенне-зимний период приносили и приносят гололедицы, особенно осенние, когда после дождей сразу наступали морозы.

Часто олени гибли от того, что не могли добыть себе корм из-под снега, сильно прибитого ветром. В связи с этим оленеводы избегали убивать на мясо оленей-вожаров (самцов), продавливающих своим весом снежный покров, разрывающих его и дающих таким образом кормиться более слабым оленям.

Весной начиналась страдная пора в оленеводстве. В начале апреля пастухи с семьями, — иногда для этого объединялись люди соседних стойбищ, — отделяли стельных важенок от остальной части стада. Затем оленей перегоняли в укрытые от ветра места, богатые кормами. Отел начинался в мае. Главной задачей пастухов была охрана новорожденных телят от многочисленных хищников и от морозов. Во время отела пастухи тщательно следили за тем, чтобы важенки не бросали своих телят. В небольших стадах такую важенку связывали и держали около нее теленка, пока она к нему не привыкала, иногда теленка смазывали кровью важенки. В больших стадах брошенных телят убивали, важенок, в течение двух сезонов оставлявших свое потомство, также убивали.

Оленей коряки не доили. В редких случаях важенку связывали, высасывали ртом молоко и выплевывали его в сосуд. Таким образом набирали два-три стакана молока¹³⁶.

На лето пенжинские коряки, кочевавшие в бассейне рек Аянки, Оклана, перегоняли стада в гольцы, где, благодаря ветрам, олени были защищены от комаров и оводов. Рекинниковские, апукинские оленеводы перекочевывали в открытую морскую тундру. На летнюю кочевку со стадом уходила только часть пастухов, обычно во главе с хозяином или опытным пастухом.

¹³⁵ К. И. Бауэрман. Пенжинский район Корякского округа. — «Дальневосточное статистическое обозрение», 1928, № 10, стр. 15.

¹³⁶ Н. Н. Беретти. Указ. соч., стр. 48.

На кочевку оленеводы брали лишь самое необходимое. Свое имущество пастухи обычно несли на себе. Летний выпас считался наиболее важным и трудным. Требовалось много знаний и большой опыт, чтобы правильно избрать пастбище, богатое зеленой растительностью, близкое к воде, обдуваемое ветром. В жаркие летние дни стадо топчется и «кружится», спасаясь от комаров и оводов. Задача пастухов заключалась в том, чтобы правильно направлять такое кружение и следить за тем, чтобы взрослые олени не затоптали молодняк и дали ему возможность добраться до корма и воды. Во второй половине лета олени разбредаются в поисках грибов. В это время пастухи затрачивали много сил для того, чтобы собрать стадо воедино.

Семьи пастухов, престарелые и малолетние оставались летом на границе зимних и летних пастбищ и рыбачили по берегам рек. Здесь оставалось и основное имущество оленеводов. Рыболовство у коряков-оленеводов имело подсобное значение. Рыбачили преимущественно летом при помощи сетей, морд или били рыбу острогами. Значительную часть улова употребляли в пищу летом на рыбалке, меньшую часть — вялили. Летом на рыбалках изготавливали и чинили нарты, упряжь, шили одежду¹³⁷.

В конце сентября — начале октября оленеводы возвращались к семьям. Стойбище опять воссоединялось, и по первому снегу оленеводы откочевывали на зимние пастбища. После возвращения стада с летовки, в сентябре, пользуясь тем, что в это время у оленей наиболее короткая и прочная шерсть, производили забой части оленей, главным образом молодняка, на шкуры для одежды. Осенью состав стада обычно был следующий: 40—45% составляли самки, 55—60% самцы. К весне соотношение менялось вследствие убоя самцов на мясо.

На 1000 оленей коряки-оленеводы оставляли всего около 30 производителей. Холощение производилось крайне примитивным способом. Оленя связывали и перекусывали зубами семенепроводы. Оленей клеймили, но каждый хозяин и без этого знал своих оленей¹³⁸.

¹³⁷ К. И. Бауэрман. Пенжинский район Корякского округа, стр. 15—16.

¹³⁸ Н. Н. Беретти. Указ. соч., стр. 47.

Коряки-оленоводы применяли только упряжный способ езды на оленях. В легковую нарту дугокопыльного типа они запрягали двух оленей, в грузовую—одного или двух. Управляли оленями с помощью длинной вожжи, прикрепленной к недоуздку с правой стороны и погонныча—легкого прута с роговым навершием в виде «клюва». Чтобы было легче управлять оленями, в обороть недоуздка включали костяные пластинки с шипами. Оленей для использования в упряжке специально обучали. На нарте сидели верхом. В перекочевках мужчины ехали на легковых нартах (перегоняли стадо, охотились), караваны грузовых нартов вели обычно женщины¹³⁹. Летом необходимое имущество оленеводы также перевозили на нартах или несли на себе.

Осенью и зимой пастухи добывали поблизости от стоянок лисиц и песцов. Но в целом пушная охота имела для коряков-оленоводов меньшее значение, чем для береговых. Диких оленей и горных баранов оленеводы били из луков, в конце XIX в. из ружей. И этот промысел для большей части оленеводов не имел существенного значения. Основное внимание тундровые коряки уделяли своим стадам.

Основой питания кочевых коряков было оленьё мясо, употреблявшееся преимущественно в вареном виде, отчасти в сушеном (вяленом), мороженом и сыром¹⁴⁰. Обычно в сыром виде потребляли костный мозг, хрящи, печень, почки, глаза оленя. В пищу использовали и кишки, а также содержимое оленьего желудка. При массовом забое оленей содержимое оленьего желудка — кашичу из растительных волокон — смешивали с кровью, жиром и кусочками кишек, легких, затем варили, переливали в желудок и коптили над очагом в течение нескольких недель. После этого всю квашеную копченую массу использовали в пищу.

Из трубчатых костей вываривали костный мозг. Его иногда смешивали с толченым вареным мясом.

Летом коряки-оленоводы употребляли в значительных количествах рыбу в вареном виде. Рыбу, выловленную

¹³⁹ W. Yochelson. Указ. соч., ч. II, стр. 486—488.

¹⁴⁰ Там же, стр. 574—578; К. И. Бауэрман. Пенжинский район Корякского округа, стр. 9.

Рис. 1. Яранга кочевых коряков XIX в.

в прорубях осенью, ели в мерзлом, сыром виде. Для этого ее мелко строгали.

Заметным подспорьем для коряков-оленоводов являлось мясо куропаток, линных гусей и уток, корни съедобных дикорастущих. Весной в больших количествах собирали в тундре птичьи яйца.

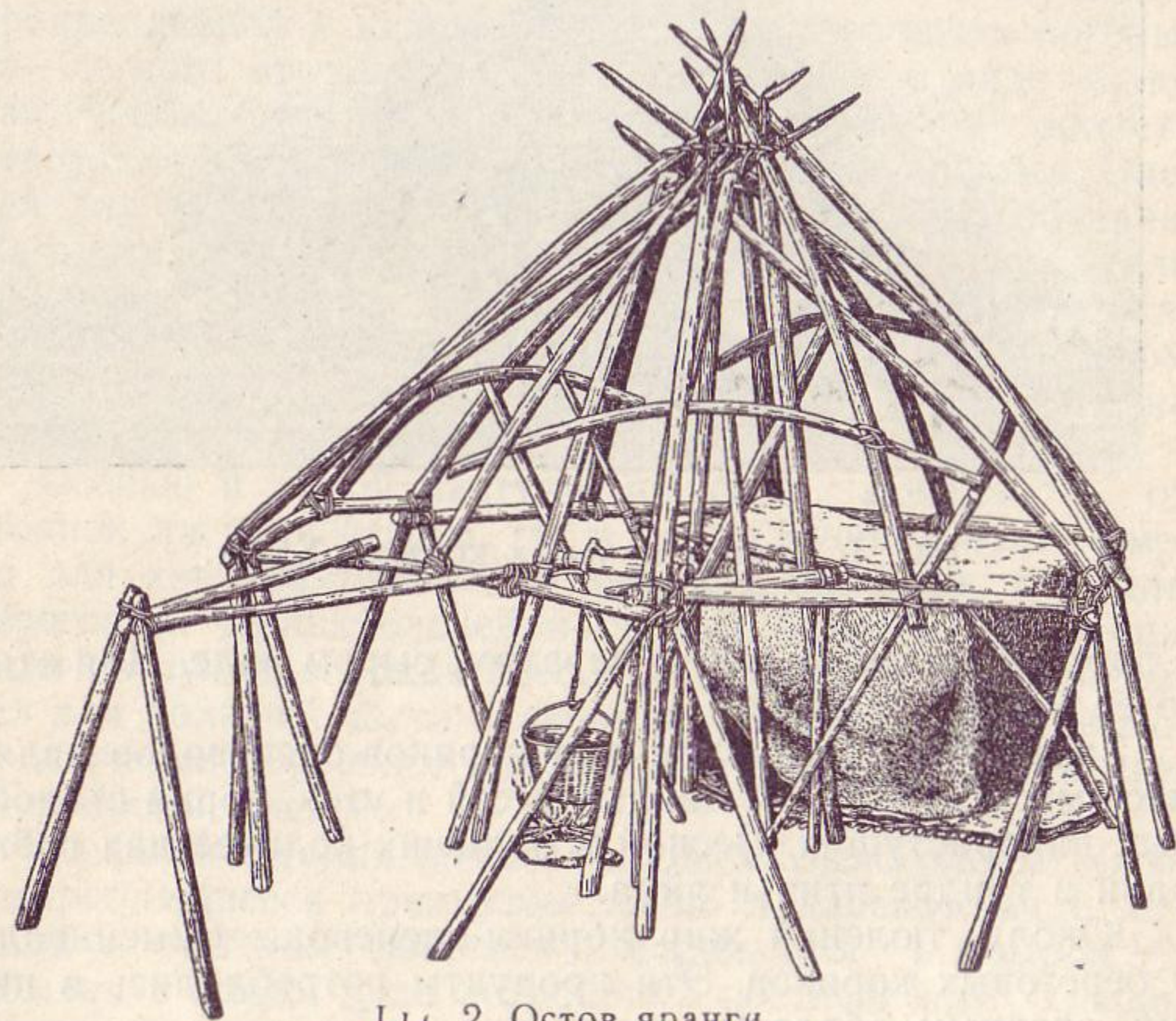
Юколу, тюлений жир коряки-оленоводы выменивали у береговых коряков. Эти продукты потреблялись в пищу, главным образом, зимой.

Стойбища оленных коряков состояли обычно из нескольких яранг. Корякская яранга представляла собой цилиндрическо-конический шатер, покрытый оленьими шкурами¹⁴¹. Опорой остова служила тренога из массивных шестов до 5 м длины. Остов яранги состоял из вертикально поставленных по кругу жердей (длиной от 1,3 до 1,5 м), соединенных горизонтальной обвязкой из жердей длиной до 2,5 м, от обвязки к вершине конуса тянулись длинные стропильные жерди.

Зимой к входу в ярангу пристраивался покрытый шкурами тамбур. Остов яранги покрывали полотнищами из полувыделанных (недубленных) оленьих шкур с подстриженной шерстью. Ярангу сверху обвязывали

¹⁴¹ W. Yochelson. Указ. соч., ч. II, стр. 447—452.

ремнями. Покрышки прижимали к остову нартами, жердями. Общий вес покрышек одной яранги доходил до 20 пудов¹⁴². При перекочевках покрышки перевозили на особых широких и высоких нартах.

116 2. Остов яранги

В центре яранги раскладывали костер. Здесь готовили пищу, просушивали одежду, дымили шкуры, коптили мясо. Внутри яранги устанавливали меховые пологи, представлявшие собой жилые помещения (высота от 1,3 до 1,5 м, длина от 2 до 4 м, ширина от 1,3 до 2 м). По форме полог напоминал четырехугольный ящик из шкур, перевернутый основанием вверх. Заднюю полу полога привязывали к одной из горизонтальных перекладин обвязки яранги, а дополнительные жерди поддерживали боковые стены. Пол устилали шкурами. В пологе обычно помещалась целая семья. Если в яранге было несколько семей или хозяин яранги имел несколько жен, то соответственно устанавливалось и несколькопологов. Во

¹⁴² Н. В. Слюнин. Охотско-Камчатский край, т. I, стр. 383.

время праздников на ярмарках коряки строили большие эллипсоидные в плане яранги. В таких ярангах устанавливали 15—20пологов. Размеры корякскихпологов позволяли в них стоять. Обогревался полог жировой лампой. Впологах коряки проводили ночь.

В качестве спальных принадлежностей употреблялись меховые одеяла. Подушками служили продолговатые меховые мешки с отверстием посередине. В них складывали одежду.

Днем полог открывали, приподнимали переднюю полу и просушивали жаровнями. Пологи иногда снимали и выколачивали из них копоть и пыль.

Особых хозяйственных построек оленеводы не имели. Все лишнее имущество они хранили на грузовых нартах. Иногда около яранги, когда жили долго на одном месте, строили помост на сваях, на нем хранили мясо, шкуры, одежду.

Зимнюю одежду как оленные, так и береговые коряки, изготовляли из оленьих шкур. Выделка шкур производилась следующим образом: обычно шкуру сушили, а перед выделкой на несколько дней клали на пол в пологе для того, чтобы размягчить ее, затем дополнительно разминали руками и для дубления покрывали мездру слоем переваренного оленьего кала. После этого ее свертывали и оставляли дубиться на одни-двое суток, затем шкуру скоблили каменным скребком, потом железным, а в случае нужды опять дубили. В заключение мездру красили ольховой корой, настоенной на моче. Для пошива одежды использовали только шкуры телят до семимесячного возраста, осеннего забоя. Одежда, изготовленная из таких шкур, отличалась легкостью, прочностью и морозостойкостью. Собачьи, волчьи и лисьи шкуры употреблялись только для отделки одежды (воротники, опушка).

Обувь шили из оленьих камусов, подошвы для прочности изготовляли из лахтачьих шкур или из оленьих щеток¹⁴³.

Как зимой, так и летом коряки носили глухую одежду. Различали обыденную одежду, праздничную (танцевальную), которую изготовляли из оленьей замши

¹⁴³ W. Yochelson. Указ соч., ч. II, стр. 587; К. И. Бауэрман. Указ. соч., стр. 10.

и богато украшали вышивками, и похоронную, ее шили из белых оленьих шкур. В отличие от обычной одежды, похоронные шубы-кухлянки имели сзади удлинение в виде хвоста¹⁴⁴.

Мужчины, как правило, надевали на голое тело меховую одинарную рубаху, мехом внутрь, и длинные меховые штаны. В дорогу поверх этой одежды надевали еще одну пару штанов и двойную меховую кухлянку с капюшоном. Подол кухлянки обшивали широкой узорчатой каймой и оторачивали собачьим или тарбаганьим мехом. Манжеты штанов завязывались поверх короткой обуви из камусов, которую надевали на меховые чулки. Для тепла в камусную обувь вкладывали стельки из травы. Кухлянку мужчины туго подпоясывали ремненным поясом.

Коряки носили мешкообразные шапки в виде капора, отороченные песцовым или собачьим мехом, камусные рукавицы. В пургу поверх кухлянок надевали камлейки из ровдуги или материи. Назначение их было предохранять мех кухлянки от снега и влаги¹⁴⁵.

Женский костюм состоял из своеобразного комбинезона—меховой рубахи, соединенной с просторными шароварами. Ниже колен шаровары снабжали завязками. Обычно в домашней обстановке женщины носили одинарный комбинезон. Его надевали мехом прямо на тело. Поверх комбинезона носили гагаглию—легкую кухлянку мехом внутрь с мездрой, окрашенной в красный цвет. Полы и манжеты гагагли обычно оторачивались собачьим мехом. На праздничные гагагли нашивали бисерные украшения, привески и жгуты из крашеного нерличьего меха. Зимой в дорогу надевали двойной комбинезон и поверх его одинарную кухлянку, по покрою не отличающуюся от мужской¹⁴⁶. Детская одежда состояла также из комбинезона: рубахи с капюшоном, штанов и унтов, сшитых вместе. Ребенка вкладывали в эту одежду через широкий ворот, внизу имелся вырез, в него закладывали мох и прижимали меховым клапаном¹⁴⁷.

¹⁴⁴ Н. В. Слюнин. Охотско-Камчатский край, т. I, стр. 388.

¹⁴⁵ W. Yochelson. Указ. соч., ч. II, стр. 587—589; 593—596; Е. П. Орлова. Коряки полуострова Камчатки. — «Северная Азия», — 1929, кн. 3, стр. 87—89.

¹⁴⁶ W. Yochelson. Указ. соч., ч. II, стр. 589—593.

¹⁴⁷ Е. П. Орлова. Коряки полуострова Камчатки, стр. 88.

Летняя одежда была такая же, как и зимняя, но делали ее или из подстриженных шкур или замши (ровдуги). Летнюю обувь шили из старых покрышек от яранги. Обычно за зиму покрышки так продымяются, что становятся водонепроницаемыми.

Для пошива одежды употребляли сухожильные нитки; их сучили между ладонями и иногда окрашивали в черный цвет толченым углем в смеси с рыбьим жиром.

В прошлом коряки татуировались, но, в отличие от эскимосов, татуировка у них была очень простой, она состояла из прямых линий на носу, лбу и подбородке у женщин, из крестиков и точек на лбу у мужчин. Татуировку наносили иглой с тонкой ниткой, натертой сажей. Эту нитку продергивали под кожей. Женщины обычно заплетали волосы в две косы с пробором посередине, мужчины брили головы, но на затылке оставляли кружок волос вокруг макушки. Некоторые мужчины отращивали на затылке длинные волосы и заплетали их в две косички. Волосы на подбородке обычно выщипывали.

Украшениями служили серьги и браслеты из бус. Обычно бусы нанизывали на кожаный ремешок или нитку из жил. В косы вплетали привески из бус и бисера.

Основной социально-экономической формой общественного производства оленных коряков было стойбищное объединение. Некоторые стойбища состояли из хозяйств равного достатка, сообща выпасавших своих оленей. Но были и стойбища иного характера, где вокруг богатого оленевода группировались малооленные хозяйства. Члены этих хозяйств являлись фактически батраками богатого оленевода. Среди оленеводов наблюдалась значительная имущественная дифференциация. В то же время в стойбищах соблюдались и некоторые правила уравнительного распределения оленьего мяса и шкур. Обычно мясом наделялись в той или иной мере все обитатели стойбища, то же в некоторой степени практиковалось и в отношении шкур.

У оленных мужским занятием считалось окарауливание и выпас стад, охота, заготовка дров, изготовление нарт, упряжи, арканов; женская работа заключалась в доставке воды, льда, разделке оленьих шкур, установке яранги, приготовлении пищи. Женщины участвовали в поимке ездовых оленей, а иногда и в выпасе оленей.

Значительная часть рабочего времени женщин уходила на выделку шкур и пошивку одежды и обуви. Тяжелый труд по выделке шкур и пошивке одежды в закопченном положении, постоянные хлопоты по уходу за очагом, за ярангой, за пологом, антисанитарная домашняя обстановка сказывались на здоровье женщин-корячек.

Счет родства велся у коряков по отцовской линии, наследование также шло от отца к сыну¹⁴⁸.

Женщина у коряков пользовалась некоторыми правами, хотя ее положение в семье было принижено; в решении семейных дел к ее голосу прислушивались. В случае плохого обращения мужа с женой за нее заступались родственники, или она уходила от мужа. Брак мог быть легко расторгнут как одной, так и другой стороной. В случае развода дети передавались матери.

Основной формой заключения брака была отработка жениха за невесту в хозяйстве тестя. Обычно жених в течение нескольких месяцев, а иногда и лет, пас оленей, заготавливал топливо и т. д. После истечения срока отработки он получал право произвести «хватание». Этот обряд заключался в том, что жених должен был поймать невесту и дотронуться до ее обнаженного тела. Невеста и все домашние старались помешать намерению жениха: били его, отталкивали. Таким образом, свое право жених мог осуществить лишь при согласии невесты¹⁴⁹.

Девушки у коряков не пользовались до брака свободой; за девушку, потерявшую невинность или родившую до брака, отработка не требовалась. Поэтому по достижении половой зрелости девушки во время пребывания гостей в пологе спали в одежде или уходили ночевать к родственникам в другой полог. По сообщению Йохельсона, рожденных вне брака детей, в прошлом убивали.

Для патриархальных порядков, господствовавших у коряков, были характерны такие обычаи, как обручение с детского возраста и многоженство.

В случае смерти жены вдовец был обязан жениться на ее младшей сестре, двоюродной сестре или племяннице, в случае смерти мужа на его вдове обязан был жениться и усыновить его детей младший брат или племянник.

¹⁴⁸ К. Бауэрман. Следы тотемического родового устройства у паренских коряков — «Советский Север», 1934, № 2, стр. 73.

¹⁴⁹ «Народы Сибири», М.—Л., 1956, стр. 966.

Религиозные представления коряков изучены слабо. Известно, что коряки верили в то, что мир населен невидимыми духами—нин'витами, калау, камаками. Считалось, что их видит шаман¹⁵⁰. Представляли их обычно антропоморфными чудовищами, заросшими густой шерстью.

Верили, что духи живут семьями и стойбищами под землей и на земле и нападают на людей, вызывая этим болезни. Думали, что от укусов духов появляются опухоли, от ударов по голове — головная боль, от невидимых стрел духов — смертельные болезни¹⁵¹.

Коряки полагали, что шаман может общаться с духами и даже повелевать ими. Считалось, что он может вырвать из тела больного невидимые стрелы духов и тем спасти последнего от смерти¹⁵². Шаманский обряд совершался ночью в яранге. Огонь тушили, все выходы закрывали. Шаман бил в бубен, пел, плясал, приводил себя в особое экстатическое состояние, наконец, падал без чувств или впадал в сон, а затем объявлял окружающим, что сказали ему духи: будет ли удачен промысел, будут ли болезни, выздоровеет ли больной и т. д. После камланья шаман приказывал больному убить оленя определенной масти или собаку. Корякские шаманы не имели особого одеяния, камланье совершалось в обычной одежде¹⁵³. Некоторые шаманы надевали на себя части женской одежды. Вызов духов производился ударами в бубен, круглый по форме с узким ободом. Колотушку изготавливали из китового уса или дерева и обтягивали камусом. Бубен и колотушку хранили в особых мешках¹⁵⁴.

Чтобы внушить зрителям больше уважения к своему искусству, корякские шаманы, подобно чукотским, проделывали трюки. Один из таких случаев привел еще С. П. Крашенинников. Корякский шаман из с. Ука во время камланья делал вид, что колет себя и пьет свою кровь. В действительности, как заметил Крашенинников, он пил кровь из пузыря, который находился у него

¹⁵⁰ W. Yochelson. Указ. соч., ч. I, стр. 27.

¹⁵¹ Там же, стр. 28—29.

¹⁵² Там же, стр. 28—29.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же, стр. 49.

под кухлянкой и эту кровь размазывал по животу¹⁵⁵. С верой в злых духов были связаны некоторые обычаи коряков. Тонущих не спасали, считая, что их обрекли себе в жертву духи. Опасаясь вызвать зависть духов и тем навлечь на себя их гнев и месть, коряки убивали лучших оленей, взявших призы на бегах. Женщинам запрещалось кричать и плакать во время родов. Думали, что по крику духи найдут ребенка¹⁵⁶.

Местообитанием духов—хозяев мест считались скалы, горы, горячие источники. Около таких мест приносили жертвы—кусочки юколы, табак.

Следует отметить, что у коряков было распространено «семейное шаманство». При исполнении ряда семейных обрядов члены семьи били в бубен и призывали духов¹⁵⁷.

Некоторые корякские обычаи были связаны с представлениями о потустороннем мире. Считалось, что душа человека после смерти не перестает существовать, а переселяется в страну духов и продолжает там вести прежний образ жизни¹⁵⁸.

Полагали, что отправлявшимся добровольно в потусторонний мир будет в нем лучше, чем тем, которые умерли от болезни¹⁵⁹, так как больные, по корякским верованиям, поедались злыми духами. В связи с этим вплоть до 30-х годов нашего века дожил обычай добровольной смерти. Немощные старики и старухи, больные, иногда просто обиженные приказывали родственникам убить себя. Разумеется, обычай добровольной смерти возник не в результате верований, его породили тяжелые условия существования. В суровых условиях тундры, при частых перекочевках больные и немощные были тяжелой обузой не только для здоровых, но и для себя.

Коряки сжигали мертвых со всем имуществом, необходимым, по их мнению, для дальнейшего существования. Оленные убивали упряжных оленей покойника.

¹⁵⁵ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 724.

¹⁵⁶ «Материалы Корякской экспедиции Института этнографии АН СССР 1956—1957 гг.»

¹⁵⁷ W. Yochelson. Указ. соч., ч. I, стр. 19.

¹⁵⁸ Там же, стр. 101—104.

¹⁵⁹ Н. В. Слюнин. Охотско-Камчатский край, т. I, стр. 390.

У коряков было распространено представление, что в новорожденном ребенке возрождается душа умершего родича, и они путем гадания пытались определить, какого именно. Имя этого родича присваивали ребенку¹⁶⁰.

Коряки почитали некоторых животных. Так, волки считались родственниками людей и рассматривались как звери-шаманы. Светлый цвет шкуры полярного волка, как отмечал К. Дитмар, рассматривался коряками как траурный. В связи с этим коряки-оленьеводы строго соблюдали запрет убивать волка, что, разумеется, отрицательно сказывалось на оленеводстве.

Почитанием пользовался и ворон, считавшийся мироустроителем. Хотя вороны нередко нападали во время отела на только что родившихся телят, их избегали убивать.

Особое место в корякских верованиях занимал культ, связанный с промыслами. У оленеводов отмечались такие события, как отел, забой оленей, возвращение стад с летних пастбищ¹⁶¹. Праздники сопровождались ритуальным добыванием огня с помощью деревянного сверла. Особо почитали дощечку для высверливания огня—ей придавали антропоморфный вид. Дощечка для выжигания огня считалась изображением духа—хозяина стада. Во время праздников «кормили» изображения духов—мазали их кровью и жиром. Кровь жертвенных оленей разбрызгивали в разные стороны. Праздникам сопутствовали и развлечения: состязания в беге, гонки на оленях и т. д.

Попытки камчатских миссионеров обратить в христианство оленных коряков были неудачными. Даже старшины оленных коряков, кочевавших вблизи от Тигиля, отказались креститься¹⁶².

Несмотря на суровые условия существования, тяжелый быт и низкий уровень материальной культуры, коряки создали замечательный фольклор. В зимние долгие ночи старики-рассказчики переносили своих слушателей в мир сказочной фантазии.

¹⁶⁰ W. Yochelson. Указ. соч., ч. I, стр. 100.

¹⁶¹ Там же, стр. 86—88.

¹⁶² И. Барсуков. Иннокентий митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883, стр. 193—194.

Большой популярностью среди коряков пользовались причудливые мифы о похождениях творца мироустроителя Куйкеняку. (Его представления в виде Великого Ворона — наполовину ворона, наполовину человека). Верили, что он наделил людей домашними животными, научил их промыслам. В ряде мифов о Великом Вороне и членах его семьи: жене — Мити, сыне — Эмемкуте и других повествуется о борьбе с духами—калау, канибалами и волками. Вот один из таких мифов:

«Однажды Эмемкут сказал: «Отправляюсь я с моей женой к моему двоюродному брату Великому Свету, проведу его». Великий Свет был сын брата творца. Они отправились, но заблудились и попали в поселок волков. Это устроили сами волки, потому что раньше Эмемкут убил много волков. «Теперь — сказали волки — мы вас не выпустим. Ты убил много наших детей». «Ну что ж, я в ваших руках,—сказал Эмемкут. Убейте меня». Волки повели Эмемкута и его жену в свою землянку. Их не оставляли без стражи. Волки решили не спать ночь, так как хотели их убить утром. Но Эмемкут усыпил волков и они с женой бежали. Волки проснулись утром и, узнав, что Эмемкут и его жена бежали, стали их преследовать. Когда Эмемкут увидел, что волки догоняют их, он достал кусочек дерева и бросил его назад—вырос густой лес. Волки, однако, пробились через лес. Тогда Эмемкут взял камень и бросил его через плечо—выросли высокие горы и голые скалы. Но волки перебрались и через хребет. Тогда Эмемкут достал «стрелу с глазками», бросил ее в волков и убил их всех. После этого Эмемкут продолжал свой путь к Большому Свету. Все»¹⁶³.

В ряде мифов о Куйкеняку и членах его семейства рассказывается о женитьбе и семейных отношениях в древности. В рассказе «Женитьба Эмемкута на девушке-демоне» повествуется о том, как Куйкеняку добыл невесту своему сыну.

«Великий предок жил один. Не было еще других людей. Однажды он сказал своей жене: «Как могут наши сыновья жить одни. Я пойду и достану жену для Эмемкута». Он принял облик ворона и полетел к реке на другую сторону гор. Там увидел он землянку. Заглянул и

¹⁶³ W. Yochelson. Указ. соч., ч. I, стр. 186—187.

увидел внутри демонов. Он взял комок снега и бросил в лампу, которая горела в землянке. Лампа погасла. Затем, пока было темно, он спустился вниз, схватил девушку-демона, увез ее домой и отдал ее в жены Эмемкуту. Она родила много детей. Вот и все»¹⁶⁴.

Широко были распространены комические рассказы-мифы о похождениях Великого Ворона и членов его семейства. В таких рассказах обычно повествуется, как Куйкеняку обманывает свою жену Мити или своих сыновей, о необычайных проделках этих полулюдей-полуживотных. В мифах достаточно герою набросить на себя одежду ворона, чтобы превратиться в ворона, или одежду собаки, чтобы превратиться в собаку; горностага и мыши превращаются в людей. Ворон разговаривает как с одушевленными, так и неодушевленными предметами. В то же время под личиной ворона сохраняются и человеческие черты.

Особое место в корякском фольклоре занимают исторические предания, отражающие события сравнительно недавнего времени. Выше уже отмечались предания коряков-оленевонов, повествующие о борьбе с чукчами.

Очень популярными были и сказки о животных, наделенных человеческими чертами. В сказке, записанной от коряков-оленевонов, «Лиса Тулег» рассказывается, как хитрая лиса-рыболов обманула и убила медведя, а затем поиздевалась над волком¹⁶⁵. В сказках, особенно в рассказах, много бытовых подробностей. Менее характерны для корякского фольклора песни, поговорки, загадки.

Широко распространены были у коряков подражательные танцы. Обычно они исполнялись на праздниках. Танцоры с изумительным искусством под аккомпанемент бубна и припев окружающих изображали животных и птиц.

Высокого уровня достигло у коряков орнаментальное искусство. Оленные коряки, как сообщал В. Г. Богораз, делали мозаичные меховые ковры из мельчайших обрезков оленьего меха различного цвета. Обычно такие коврики шили на продажу. На коврах встречались изображения животных и птиц, охотников, людей, едущих на

¹⁶⁴ W. Yochelson. Указ. соч., ч. I, стр. 210.

¹⁶⁵ Там же, стр. 188—189.

бленях и т. д. ¹⁶⁶. Мозаичными узорами украшали подолы кухлянок, оторочки штанов. В стены пологов вшивали изображения человечков. Возможно, эти изображения носили религиозный характер.

Очень красивы корякские вышивки бисером. Обычно так орнаментировали кожаные мешочки для табакерок, а иногда и подолы гагаглей.